

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЩЕГЛОВА

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
e.scheglova@spbu.ru

ЛЕКСИКА ОЧЕРКОВ ПУТЕШЕСТВИЯ И. А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ “ПАЛЛАДА”» КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ТЕКСТА

Статья посвящена рассмотрению жанрово-стилистических особенностей путевых очерков И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» в аспекте текстообразующей роли лексики. Научная новизна определяется тем, что впервые подробному и всестороннему рассмотрению подвергается лексика очерков путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» с точки зрения ее роли в языковой композиции текста, в формировании его жанрового своеобразия. Актуальность обусловлена необходимостью изучения языка отдельного произведения сразу для нескольких научных направлений: истории русского литературного языка; лексикографической практики; теории изучения языка художественной литературы; изучения языковых особенностей жанра путешествия; исследования языка и стиля писателя. Цель исследования заключается в выявлении лексико-фразеологических особенностей языка очерков путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”», обусловливающих жанрово-стилевое своеобразие произведения. Было установлено, что реализация текстообразующей функции происходит различно: линейно или нелинейно. К лексике, реализующей данную функцию линейно, были отнесены этнонимы, топонимы, наименования экзотических реалий, региональная лексика, морская лексика. Лексические единицы данных групп равномерно распределены по тексту и образуют своеобразный словесный «стержень» произведения. К лексике, реализующей данную функцию нелинейно, были отнесены ключевые слова тех фрагментов очерков, которые содержат концептуальное видение автором картины мира (в частности лексические единицы, относящиеся к смысловому центру, образуемому этнонимом *англичане* и оттопонимическим прилагательным *английский*). Лексика обоих типов составляет жанрово-стилистическое своеобразие очерков и в то же время отражает два этапа познания – наблюдение (фиксация объектов действительности, оказавшихся в поле зрения путешественника) и осмысление (обработка полученных фактов, их классификация, получение выводов).

Ключевые слова: путевые очерки, И. А. Гончаров, лексика, текстообразующая функция, историческая стилистика, историческая лексикология

ВВЕДЕНИЕ

Жанры претерпевают изменения с течением времени, каждая эпоха выражает себя через свои жанровые формы [10]. Для 2-й половины XIX века одной из таких определяющих эпохи жанровых форм можно назвать путевые очерки: многими исследователями подчеркивается рост интереса к описаниям путешествий в указанный период, это время отмечено появлением большого количества путевых (и географических) очерков на страницах журналов [14], [15]. Такой интерес к путевой литературе обусловлен целым рядом факторов: ростом национального самосознания, возрастающей ролью научного знания, интересом к достижениям науки образованного общества и др. (о влиянии указанных факторов на языковые процессы в XIX веке см.: [2], [16]). Одним из ключевых текстов этого периода можно считать очерки путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”».

Главным свойством любого текста является его цельность [11], обеспечивающаяся единством языковых единиц («единство целого» [3]). Как кажется, впервые мысль о роли лексики в организующем начале текста появляется в трудах В. В. Виноградова, который говорил о необходимости изучения словесной композиции текста как динамической системы, стремящейся к саморазворачиванию. При этом он оперировал понятием «словесные ряды»: композиция текста понимается им как система «динамического развертывания словесных рядов в сложном единстве целого» [1: 49]. Продолжил разработку учения о словесных рядах А. И. Горшков. Он уточняет определение понятия словесных рядов и определяет их как последовательность «представленных в тексте языковых единиц разных ярусов, объединенных композиционными функциями и соотнесенностью с определенной сферой языковой коммуникации или определенным приемом языкового выражения» [5: 18]. Таким

образом, определение «словесные» следует понимать в расширенном значении:

...это не только собственно словарные, лексические ряды, но и ряды всех других языковых единиц и единств, то есть ряды, которые могут вместиться в слова и состояться из слов [4: 22].

Продолжение в области композиционной поэтики текста эти идеи нашли в работах Л. Г. Кайды, в частности, считываение подтекста очевидным образом связано с расшифровкой смысла композиционно значимых лексических единиц [7], [8].

Как замечает Л. Р. Дускаева, объективизация путешествия в тексте предполагает демонстрацию: а) того, что обнаруживается в поле зрения путешественника, – свойства пространства наблюдения: географических объектов на воде и на суше, природных явлений, феноменов культурного наследия, традиций той или иной местности, в том числе фольклорных, кулинарных, – этап познания, наблюдение; б) того, каким образом путешественник узнает о пространстве, как он перемещается по территории, как он наблюдает, к каким выводам приходит в результате наблюдений, – этап осмысливания полученного на этапе наблюдения опыта [6]. Это определяет разный характер лексических групп, организующих текст путевых очерков (или словесных рядов, в понимании В. В. Виноградова). Часть из них представляет собой лексические группы, достаточно однородные по своей семантике, без внутренней иерархии единиц, составляющих группу. При этом словесный материал, составляющий такие словесные ряды, равномерно распределен по тексту, образуя своеобразный стержень (каркас) для текста произведения. В других словесных рядах единицы разнородны по составу и семантике, можно выделить ключевые слова с большим количеством парадигматических и синтагматических связей с другими лексемами. В этом случае в таких словесных рядах сосредоточено основное концептуальное содержание произведения.

Эту мысль подтверждает обращение к другому научному направлению изучения текста как единства – лингвистике текста, в частности к современным исследованиям его композиционного устройства. Так, Ю. М. Калинина выделяет две группы компонентов композиции – структурные и идейно-содержательные:

К первой относятся языковые явления, имеющие непосредственное отношение к структурной организации текста, воспроизводящие хронологию событий и описывающие окружающую героев обстановку (элементы фактического и идиостилистического типов), ко второй – лингвистические явления, несущие большую смысловую нагрузку, выражющие идейную позицию персонажей и автора (элементы идейного и индивидуализированного типов) [9: 6].

Имея в виду лексическую композицию текста, очевидно, следует вести речь о разных способах

реализации текстообразующей функции лексики. В одном случае, когда словесные ряды составляют лексический стержень произведения, текстообразующая функция реализуется линейно; в другом, когда словесные ряды непосредственно связаны с идейным содержанием произведения, – нелинейно. Очевидно, что в случае путевых очерков группы способ реализации текстообразующей функции непосредственным образом связан с двумя этапами познания – наблюдение и осмысливание.

МЕТОДИКА АНАЛИЗА

Анализ лексики, выполняющей текстообразующую функцию в путевых очерках И. А. Гончарова, происходил в несколько этапов. На первом был проведен системный анализ лексического состава очерков, определен состав лексических средств, использованных автором. На втором этапе были выделены группы лексики, составляющие жанрово-стилевое своеобразие произведения, была рассмотрена их роль в организации словесной композиции текста. На третьем этапе осуществлялся анализ особенностей употребления и функционирования выделенных групп. Указанные выше различия между группами (линейная и нелинейная реализация текстообразующей функции) повлекли за собой разницу в исследовательском подходе. Группы лексики, линейно реализующей текстообразующую функцию, рассматривались без обращения к анализу употреблений конкретных лексических единиц, были выделены общие особенности употребления и функционирования, характерные для группы. В случае лексики, нелинейно реализующей текстообразующую функцию, основной исследовательской задачей стало подробное описание семантики указанных слов, что потребовало тщательного изучения контекстов употребления, системы парадигматических и синтагматических отношений.

ЛИНЕЙНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕКСТООБРАЗУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ЛЕКСИКИ

К группам, линейно реализующим текстообразующую функцию, были отнесены: наименования экзотических реалий, региональная лексика, морская лексика, топонимы и этнонимы. Указанные группы объединены в очерках сходством функционирования и особенностей употребления. Система авторских толкований и пояснений к лексическим единицам этих групп подтверждает их особую роль в очерках «Фрегата». Лексика становится своеобразным стержнем текстов очерков, линейно реализуя текстообразующую функцию.

Топонимы

Факт наличия групп топонимов на страницах очерков, посвященных описанию кругосветного

путешествия, кажется вполне очевидным и предсказуемым. Они служат для обозначения положения корабля, членов экспедиции и самого автора на карте мира в настоящий момент, в прошедшем и в будущем, немаловажную роль при этом играет дейктическая лексика:

Я писал вам, как я был очарован островом (и вином тоже) Мадеры. Потом, когда она скрылась у нас из вида, я немного разочаровался (101)¹; Я под экватором, под отвесными лучами солнца, на меже Индии и Китая, в царстве вечного, беспощадно-знойного лета (253); Это были еще самые южные острова, крайние пределы, только островки и скалы Японского архипелага, носившие европейские и свои имена. Тут были Юлия, Клара, далее Якуносима, Номосима, Ивосима, потом пошли саки: Тагасаки, Коссаки, Нагасаки. Сима значит остров, саки — мыс, или наоборот, не помню (314) и т. п.

Автор с большим вниманием относится к точности употребления топонимов, в случае наличия нескольких вариативных и эквивалентных названий одного географического объекта они приводятся автором для читателя. Особенно это характерно в тех случаях, когда наряду с оригинальным названием существуют одно или несколько наименований на европейских языках, которые стали следствием колонизаторской деятельности: «“Ферст-ривер по-английски или Эршт-ривер (первая река) по-голландски”, — отвечал Вандик» (177). В данном случае приводятся два иноязычных названия — английское и голландское — а затем русский перевод. Подобное употребление имеет историко-культурные предпосылки, поскольку территория Капской колонии в Африке была изначально под голландским колониальным владычеством, которое впоследствии сменилось английским. В ряде случаев, когда Гончаров приводит оригинальное экзотическое название, а не данное европейцами, автором дается своего рода «этимологическая» справка, ведутся размышления о «правильном» названии: «Корейцы называют себя, или страну свою, Чаосин или Чаусин, а название Корея принадлежит одной из их старинных династий» (617). Характерно также суждение автора о вариативности географического наименования *Нагасаки* — *Нангасаки* (возникшей вследствие особенностей нормы произношения в японском языке):

А! вот и Нагасаки. Отчего ж не Нангасаки? оттого, что настоящее название — Нагасаки, а буква н прибавляется так, для шика, так же как и другие буквы к некоторым словам (320).

Этнонимы

Сходную роль в обозначении географии странствия играют этнонимы. Названия различных племен и народов часто даются в бытовых контекстах описания повседневной жизни, нередко оказываясь в одном ряду с другими лексическими единицами, являющимися названиями племен и их представителей:

Вот стройный красивый негр финго, или мозамбик, тащит тюк на плечах; это «кули» — наемный слуга, носильщик, бегающий на посылках; вот другой, из племени зулу, а чаще готтентот, на козлах ловко управляет парой лошадей, запряженных в кабриолет. Там третий, бичуан, ведет верховую лошадь; четвертый метет улицу, поднимая столбом красно-желтую пыль (140).

Наименования экзотических реалий

Группа наименований экзотических реалий была выделена по тематическому признаку на основании единства употребления и функционирования ее в очерках с опорой на позицию автора относительно данной лексики. При этом под обозначением «реалия» понимается достаточно широкий круг объектов и явлений окружающей действительности, воспринимаемых автором в качестве неотъемлемой части экзотической реальности, в которой он пребывает во время странствия — это и названия природных явлений и объектов (растения: *какисы, мандарины, пампль-мусс*; животные: *бабуаны, шrimсы и пронсы*), и собственно культурные реалии (*норимоны, саки, джонка и т. п.*). Наименования экзотических реалий являются важной составной частью повествования о землях, которые посещает И. А. Гончаров вместе с командой «Паллады» во время плавания, создавая необходимый историко-культурный контекст:

...я гулял между европейскими домами и китайскими хижинами, между кораблями и джонками, между христианскими церквами и кумирнями (603).

Контрастным является перечисление пар однородных членов: каждая пара образована двумя существительными с конкретно-предметным значением, означающими реалии, принадлежащие к разным культурным кодам (*дом — хижина, корабль — джонка, церкви — кумирни*).

Подобно этнонимам и топонимам, наименования экзотических реалий отражают географию путешествия, поскольку их состав меняется вместе со сменой места пребывания. Характерной особенностью их употребления является наличие метаязыковых элементов, служащих объяснить для читателя, какой объект или явление скрывается за неизвестным или малоизвестным наименованием:

...карри, подаваемое ежедневно везде, начиная с мыса Доброй Надежды до Китая, особенно в Индии; это говядина или другое мясо, иногда курица, дичь, на конец, даже раки и особенно шrimсы, изрезанные мелкими кусочками и сваренные с едким соусом, который составляется из десяти или более индийских перцев. Мало того, к этому подают еще какую-то особую, чуть не ядовитую сою, от которой блюдо и получило свое название. Как необходимая принадлежность к нему подается особо варенный в одной воде рис (143).

Как видно из приведенного примера, такие метатекстовые вставки носят сугубо личностный характер и, как правило, насыщены речевыми средствами, выражаящими авторскую оценку

увиденного объекта или явления действительности. Так, из этого описания следует, что *карри* – это блюдо как таковое, при этом название его возводится к названию некой «чуть не ядовитой» сои. Между тем слово фиксируется в словарях иностранных слов XIX и начала XX века и имеет в них значение ‘приправа; способ ее приготовления’ и ‘ост-индская пряность, приготвляемая из истолченных листьев различных растений’²; ‘индийский способ приготовления сильно пикантной приправы из едких пряностей к рыбе, мясу, овощам’³. Таким образом, наблюдается расхождение словарного значения слова и его реального употребления. По всей вероятности, оно возникло из-за метонимического переноса названия пряности на название блюда, невольно производимого автором.

Для пояснения незнакомого читателю слова Гончаров часто прибегает к сравнению неизвестного с известным, происходит обращение к культурной памяти читателя:

...еще были тут называемые по-английски кастард-эппльз (custard apples) плоды, похожие видом и на грушу, и на яблоко, с белым мясом, с черными семенами (98).

Региональная лексика

Региональная лексика присутствует в завершающих «сибирских» очерках «Фрегата “Паллада”». При этом ее функционирование и особенности употребления во многом схожи с лексикой, относящейся к наименованиям экзотических реалий. Гончаров с необыкновенным вниманием относится к региональным словам, которые узнает непосредственно из живой беседы с местными жителями, предоставляя читателям богатый материал: наполненное иронией описание поварни (*поварня* – ‘нежилая постройка для отдыха и ночлега проезжающих’⁴):

Следовательно, это *quasi*-поварня. Если хотите сделать ее настоящей поварней, то привезите с собой повара, да кстати уж и провизии, а иногда и дров, где лесу нет; не забудьте взять и огня (686),

образность глагола *куржеветь*:

...только брови, ресницы, усы, а у кого есть и борода, куржевеют, то есть покрываются льдом, так что брови срастаются с ресницами, усы с бородой и образуют на лице ледяное забрало (698) и т. д.

Подобно наименованиям экзотических реалий в «экзотических» очерках «Фрегата», в «сибирских» (описывается возвращение в Петербург) региональная лексика сопровождается авторскими пояснениями, в данном случае часто формально являющимися составной частью диалога с местными жителями. Так, можно обнаружить целую серию толкований слов в следующем диалоге, при этом одно пояснение ведет за собой другое:

«Лучше всего вам кухлянку купить, особенно двойную...» – сказал другой, вслушавшийся в наш разговор. «Что это такое кухлянка?» – спросил я. «Это такая ру-

башка из оленьей шкуры, шерстью вверх. А если купите двойную, то есть и снизу такая же шерсть, так никакой шубы не надо». «Нет, это тяжело надевать, – перебил кто-то, – в двойной кухлянке не поворотишься. А вы лучше под одинакую кухлянку купите пыжиковое пальто, – вот и все». – «Что это такое пыжиковое пальто?» – «Это пальто из шкур молодых оленей». «Всего лучше купить вам борловую доху, – заговорил четвертый, – тогда вам ровно ничего не надо». – «Что это такое борловая доха?» – спросил я. «Это шкура с дикого козла, пушистая, теплая, мягкая: в ней никакой мороз не пронет» (674).

Далее аналогичным образом поясняются слова *торбасы*, *чижи*, *наледи*, *хиус*, *отемнеть* – всего в этом диалоге толкованием снабжаются 8 лексических единиц. Наименования *доха* и *наледи* поясняются автором и при последующих употреблениях. За малоизвестными номинациями стоят как хорошо знакомые читателю объекты (*ушкан* – ‘заяц’⁵, *морда* – ‘мережи’⁶), так и неизвестные (*щеки* – ‘крутой берег на реке Лена’⁷, *хиус* – ‘северный ветер’⁸).

Морская лексика

Морская лексика не просто создает колорит морской жизни (в этом случае не требовалась бы такая степень насыщенности очерков морскими словами), но выполняет просветительскую функцию (как и в случае наименований экзотических реалий и региональной лексики). Автор знакомит читателя с особенностями морской жизни и с тем языком, который эти особенности отражает. Следует отметить, что автором приводятся как собственно морские термины: *бизань-мачта*, *грот-мачта*, *фок-мачта*, *марселя*, *парусная система*, *фок-брам-стеньга*, *шкот* и др., так и профессиональная лексика: *китолов* (китоловное судно), *купец* (судно, перевозящее предметы торговли) и др. Приводятся автором и лексические единицы, услышанные им в речи простых матросов: *асен* (англичане), *братишка* (обращение друг к другу), *фордак* (фордевинд).

Слова, относящиеся к морской лексике, И. А. Гончаров также сопровождает пояснениями, призванными приблизить явление, непонятное для далекого от морской жизни читателя:

Начались шквалы: шквалы – это когда вы сидите на даче, ничего не подозревая, с открытыми окнами, вдруг на балкон ваш налетает вихрь, врывается с пылью в окна, бьет стекла, валит горшки с цветами, хлопает ставнями, когда бросаются, по обыкновению поздно, затворять окна, убирать цветы, а между тем дождь успел хлынуть на мебель, на паркет. Теперь это повторяется здесь каждые полчаса (67).

Реалия морской жизни, непривычная несведущему в морском деле читателю (слово *шквал* дается в Словаре 1847 года с пометой *мор.* и определяется как ‘сильный и внезапный порыв ветра на море’⁹), переводится в ситуацию, знакомую всем; ‘эффект приближения’ поддерживается и прямым обращением И. А. Гончарова к своему

читателю (*вы сидите на даче*), что также является характерной особенностью очерков.

НЕЛИНЕЙНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕКСТООБРАЗУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ЛЕКСИКИ

При анализе слов, связанных с концептуальным содержанием очерков, было установлено, что этнонимы, топонимы и оттопонимические прилагательные, употребляемые в большинстве случаев в прямых номинативных значениях, могут в ряде случаев образовывать словесные ряды, в которых лексические единицы, составляющие их, демонстрируют изменения в семантике, приобретение новых историко-культурных коннотативных смыслов. Слова этих словесных рядов образуют идейную ткань очерков, то есть реализуют текстообразующую функцию нелинейно. Наиболее показательным в этом отношении по ряду экстраграфических причин оказался словесный ряд с этнонимом *англичане* и прилагательным *английский*. С ним связаны такие ключевые слова, как *комфорт, удобство, цивилизация, торговля, практичность* и др.

В семантике этих слов особый смысл приобретает культурно-исторический компонент значения. Так, в значении слова *комфорт* актуализированной в различных контекстах произведения оказывается сема ‘новизна’, например:

Нетрудно догадаться, что хозяева (гостиныци в Капской колонии в Африке. – Е. Щ.) были англичане: мебель новая, все свежо и везде признаки комфорта (177).

Это было обусловлено господствующим положением Англии в мировой экономике – именно эта страна владела тогда самыми передовыми технологиями производства товаров потребления (как они были бы названы сейчас). Именно поэтому комфортный образ жизни подразумевал использование всех этих изобретений в повседневной жизни:

После того, покойный сознанием, что он (англичанин. – Е. Щ.) прожил день по всем удобствам, что видел много замечательного, что у него есть дюк (Веллингтон. – Е. Щ.) и паровые цыплята, что он выгодно продал на бирже партию бумажных одеял, а в парламенте – свой голос, он садится обедать и, встав из-за стола не совсем твердо, вешает к шкафу и бюро неотпираемые замки, снимает с себя машинкой сапоги, заводит будильник и ложится спать (61).

С изменением положения Великобритании на мировой арене изменился и характер употребления слова *комфорт* в применении к самим жителям Туманного Альбиона. Это можно заметить по культурологическим описаниям Англии XX и XXI веков, в которых об английском комфорте пишется как о пристрастии англичан к старым, привычным вещам, иногда переходящим из поколения в поколение (близко к понятиям ‘патриархальность’, ‘патриархальный’ у Гончарова) [12], [13].

Другой интересный пример составляет соотношение объема понятий ‘торговля’ и ‘жизнь’, которые выражаются соответствующими лексическими единицами в следующих контекстах, создающих образ английской столицы:

Зато какая жизнь и деятельность кипит на этой зыбкой улице, управляемая меркуриевым жезлом! (39–40).

Между тем общее впечатление, какое производит наружный вид Лондона, с циркуляциею народонаселения, странно: там до двух миллионов жителей, центр всемирной торговли, а чего бы вы думали не заметно? – жизни, то есть ее бурного брожения. Торговля видна, а жизни нет: или вы должны заключить, что здесь торговля есть жизнь, как оно и есть в самом деле (48).

В первом контексте торговля является силой, управляющей жизнью: понятие ‘торговля’ метафорически выражено через фразеологизм *меркуриев жезл*. Во втором контексте лексемы, выражающие понятия ‘жизнь’ и ‘торговля’, в значительной мере представлены как контекстуальные антонимы (противопоставлены как часть и целое). Более того, они являются понятиями, которые носят взаимоисключающий характер. Противопоставление этих двух понятий выражено в данном контексте противопоставлением атрибутов жизни в Лондоне и жизни в обобщенном смысле: *циркуляция народонаселения – бурное брожение жизни*. Слово *циркуляция* в словаре Даля имеет следующую дефиницию: ‘обращение, вращение’; важна представленная в словаре сочетаемость – *циркуляция крови*¹⁰. Таким образом, значение имеет терминологический характер; важен регулярный, механистический характер движения. К слову *брожение* Словарь 1847 года дает общее значение: ‘то же, что бродня’, то есть ‘ходьба взад и вперед’, а также специальное: ‘В химии: внутреннее движение, происходящее в органических телах и в жидкостях, содержащих в себе органические части, помоюю заквасы: винное, спиртовое движение’¹¹. Ю. С. Сорокин отмечает, что сочетания типа *брожение ума* обычны уже в 1830-х годах XIX века, при этом очевидны и часто акцентированы в контекстах ассоциации с химическими представлениями [16: 410]. В данном контексте важна нерегулярность, стихийность, хаотичность такого рода движения. Заключительная часть рассуждения И. А. Гончарова должна убедить читателя, что понятия равны по объему. Лексема *торговля* приобретает значение ‘всеобъемлющая деятельность, нивелирующая все остальные проявления жизни’.

ВЫВОДЫ

Анализ лексического материала очерков путешествия И. А. Гончарова ‘Фрегат “Паллада”’ продемонстрировал особую роль лексических средств в их текстовой организации. Были обнаружены группы (словесные ряды), составные единицы которых образуют словесную композицию

очерков, тем самым выполняя текстообразующую функцию.

При этом характер реализации текстообразующей функции лексики разных словесных рядов различен. Одни из них образованы единицами, которые равномерно распределяются по тексту, скрепляют его и делают единым. Тем самым единицы этих групп становятся своеобразной лексической осью, вокруг которой строится произведение. Это наименования экзотических реалий, региональная лексика, морская лексика, топонимы и этнонимы. Среди особенностей употребления лексических единиц указанных групп прежде всего обращает на себя внимание сеть метаязыковых элементов (авторских толкований и пояснений), которыми снабжает И. А. Гончаров значительную часть лексических единиц, относящихся к перечисленным группам (об особенностях пояснения малоизвестных и неизвестных номинаций у И. А. Гончарова – [17]). Другой характерной особенностью употребления лексических единиц этих групп является ввод нескольких вариантов наименования или эквивалентных наименований. Сам факт внимания автора к этой лексике говорит о роли ее в очерках. Характер ее употребления демонстрирует

в процессе познания мира стадию наблюдения. Такие лексические единицы реализуют текстообразующую функцию линейно.

Другие словесные ряды образованы единицами, являющимися ключевыми для тех фрагментов очерков, в которых автор излагает свое концептуальное видение мира. Отсюда чрезвычайная семантическая нагруженность таких слов, выражающаяся в наличии многообразных оттенков значения, а также историко-культурных и оценочных коннотативных смыслов. Они отражают следующую ступень в процессе познания – осмысление. Слова этого словесного ряда образуют идейную ткань очерков, то есть реализуют текстообразующую функцию нелинейно.

Таким образом, очерки путешествия И. А. Гончарова – как, безусловно, один из самых лучших образцов путевых очерков своего времени – отражают все противоречие в восприятии человеком мира и себя в этом мире, характерное для рассматриваемого периода с его бурными процессами, происходящими во всех сферах жизни общества. Именно этим обусловлена необходимость изучения слова как носителя исторической и культурной памяти.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 2. СПб.: Наука, 1997. 746 с. Ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страницы.
- ² Михельсон А. Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. Составил по словам: Гейзе, Бешереля, Брокгауза, Александра, Рейфа и других. М.: Издание книгопродавца А. И. Манухина, 1865. 718 с.
- ³ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи. СПб.: Издание книгопродавца В. И. Губинского, Типография С. Н. Худекова, 1894. 1004 с.
- ⁴ Словарь русских народных говоров. Л.; СПб.: Наука, 1965–<...>.
- ⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1989–1991.
- ⁶ Словарь русских народных говоров.
- ⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Словарь Церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1847.
- ¹⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.
- ¹¹ Словарь Церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 239 с.
2. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1982. 529 с.
3. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Голитиздат, 1959. 656 с.
4. Горшков А. И. Русский язык в русской словесности. М.: Лит. ин-т им. А. М. Горького, 2015. 248 с.
5. Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка. М.: Высшая школа, 1984. 319 с.
6. Дускаева Л. Р. Познавательно-просветительская медиаречь: презентация коммуникативного сценария трэвел-медиатекстов // Научные ведомости Белгородского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. № 26 (197). Вып. 24. С. 85–92.
7. Кайда Л. Г. Композиционная поэтика текста. М.: Флинта, 2011. 408 с.
8. Кайда Л. Г. Композиционный анализ художественного текста: Теория. Методология. Алгоритмы обратной связи. М.: Флинта, 2013. 152 с.
9. Калинина Ю. М. Композиция художественного текста как средство выражения его антропоцентричности: Автoref. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2009. 24 с.
10. Коньков В. И. Жанр как речевая структура // Русская речь в средствах массовой информации. Речевые системы и речевые структуры: Коллективная монография. СПб.: Высш. шк. журн. и массовых коммуникаций, 2011. С. 198–209.
11. Николаева Т. М. Текст // Языкознание: Большой лингвистический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 507.
12. Овчинников В. с. Сакура и дуб: Впечатления и размышления и японцах и англичанах. Минск: Народная асвета, 1987. 430 с.

13. Паксман Дж. Англия. Портрет народа. СПб.: Амфора, 2009. 380 с.
14. Покатилова Н. В. «Фрегат “Паллада”» в творческой эволюции И. А. Гончарова 1840–1850х годов: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989. 207 с.
15. Проценко Е. Г. Литература путешествий в России в 1840–1850-е годы: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 216 с.
16. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е годы XIX века. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.
17. Щеглова Е. А. Неизвестные и малоизвестные номинации в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 5 (142). С. 47–50.

Shcheglova E. A., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

LEXICON OF TRAVEL SKETCHES “FRIGATE PALLADA” BY I. A. GONCHAROV AS A STRUCTURAL ELEMENT OF THE TEXT

The article deals with the genre and stylistic features of the travel sketches “Frigate Pallada” by I. A. Goncharov in light of the text-forming role of the lexicon. The lexicon analysis of the text helped to reveal a set of lexical group units organizing the text. It was determined that the implementation of the text-forming function occurs differently: in a linear or a nonlinear way. The vocabulary that implements this function in a linear way includes ethnonyms, toponyms, names of exotic realities, the regional language and marine language. The lexical units of these groups are evenly distributed around the text and form the lexical “core” of the work. The vocabulary that implements this function in a nonlinear way includes key words of those parts of sketches that contain the author’s conceptual vision of the world’s image (in particular the lexical units relating to the semantic center formed by the ethnonym *British* and an adjective *English*). The vocabulary of both types makes up the sketches’ genre and its stylistic originality and reflects two stages of knowledge – observation (fixation of the real objects, which have appeared in sight of the traveler) and reflection (processing of the received facts, their classification, and conclusion making).

Key words: travel sketches, I. A. Goncharov, vocabulary, a text-forming function, historical stylistics, historical lexicology

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. On the theory of fiction language. Moscow, 1971. 239 p. (In Russ.)
2. Vinogradov V. V. Sketches on the history of the Russian literary language of the 17th–19th centuries. Moscow, 1982. 529 p. (In Russ.)
3. Vinogradov V. V. On the language of fiction. Moscow, 1959. 656 p. (In Russ.)
4. Gorshkov A. I. Russian in Russian literature. Moscow, 2015. 248 p. (In Russ.)
5. Gorshkov A. I. Theory and history of the Russian literary language. Moscow, 1984. 319 p. (In Russ.)
6. Duskaeva L. R. Cognitive-educational media-speech: representation of the travel media texts’ communicative scenario. *Science vedomosti of Belgorod University*. 2014. No 26 (197). Issue 24. P. 85–92. (In Russ.)
7. Kayda L. G. Composite poetics of the text. Moscow, 2011. 408 p. (In Russ.)
8. Kayda L. G. Composite analysis of the art text: Theory. Methodology. Feedback algorithms. Moscow, 2013. 152 p. (In Russ.)
9. Kalinina Y. M. Composition of the literary text as a means of expressing its anthropoid-centrism. PhD thesis. Elets, 2009. 24 p. (In Russ.)
10. Kon’kov V. I. Genre as a speech structure. *Russian speech in the media. Speech systems and voice structures: a collective monograph*. St. Petersburg, 2011. P. 198–209. (In Russ.)
11. Nikolaeva T. M. Text. *Linguistics. Great linguistic dictionary*. Moscow, 2000. P. 507. (In Russ.)
12. Ovchinnikov Vs. Sakura and oak: impressions and reflections on Japanese and English. Minsk, 1987. 430 p. (In Russ.)
13. Paxman J. England. Portrait of the people. St. Petersburg, 2009. 380 p. (In Russ.)
14. Pokatilova N. V. “Frigate Pallada” in I. A. Goncharov’s creative evolution in 1840–1850. PhD Diss. Leningrad, 1989. 207 p. (In Russ.)
15. Protsenko E. G. Travel literature in Russia in 1840–1850 years. PhD Diss. Leningrad, 1984. 216 p. (In Russ.)
16. Sorokin Y. S. Vocabulary development of Russian literary language in the 30–90s years of the 19th century. Moscow, Leningrad, 1965. 565 p. (In Russ.)
17. Shcheglova E. A. Unknown and little known nominations in I. A. Goncharov’s travel sketches “Frigate Pallada”. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2014. No 5 (142). Social Sciences and Humanities. P. 47–50. (In Russ.)

Поступила в редакцию 22.01.2018